

Рязань
Издатель Ситников
2006

ББК 63.3(2Ряз)
Р99

Авторы идеи проекта Э.Н. и М.Н. Никишкины.

В реализации проекта принимали участие редколлегия литературно-художественного журнала для молодёжи «Утро» (гл. редактор И.К. Красногорская) и коллектив краеведов ООШ с. Ерлино Кораблинского района Рязанской области (руководитель Т.В. Штрукина).

Авторы: П.В. Акульшин, А.И. Бакмейстер (1730—1806),
Г.С. Владимиров, А.Ф. Говоров, В.А. Горнов, И.В. Грачёва,
Е.М. Карпельцева (1916—1995), В.М. Касаткин, И.К. Красногорская,
В.Г. Руделёв, С.А. Сальный, В.В. Чеклуев, Т.В. Шустова, В.И. Яковлев

Автор вступительной статьи П.В. Акульшин

Рецензент — доктор исторических наук, заведующий кафедрой средневековой и новой истории Отечества РГУ, председатель Рязанского исторического общества П.В. Акульшин

Рязанские усадьбы и их владельцы: документально-художественное издание / сост. И. Красногорская; худож. Т. Полищук. — Рязань: Издатель Ситников, 2006. — 464 с.: ил.

ISBN 5-902420-09-1

В сборнике очерков «Рязанские усадьбы и их владельцы» рассказывается о двадцати усадьбах, без которых невозможно представить прошлое и настоящее не только Рязанского края, но всей России. Владельцы их внесли весомый вклад в русскую культуру. В сборник включены так же воспоминания, рисующие облик губернского и областного центра ушедших эпох.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

ББК 63.3(2Ряз)

ISBN 5-902420-09-1

© Красногорская И.К., составление, 2006
© Группа авторов, текст, 2006
© Полищук Т.С., худ. оформление, 2006
© Издатель Ситников, 2006

РЯЗАНСКИЕ
УСАДЬБЫ
И ИХ ВЛАДЕЛЬЦЫ

Рязанское дворянство и его усадьбы

**Пётр
Акульшин**

На протяжении всей истории Российской империи правящим сословием являлось дворянство, которое вплоть до 1917 года играло важную роль и в жизни Рязанской губернии. Ведущая роль дворянства в экономической, социальной и культурной жизни наиболее ярко проявлялась в период с середины XVIII века до середины XIX века.

Начальной вехой этого периода считается появление двух важнейших документов, определивших правовой статус дворянства как правящего сословия, Манифест о вольности дворянства 1762 года и Жалованная грамота дворянству 1785 года.

Конец традиционному укладу жизни российского дворянства, теснейшим образом связанному с крепостным правом, положила крестьянская реформа 1861 года. Последнюю точку в существовании российского дворянства поставили бурные события 1905 и 1917 годов.

Российское дворянство, начиная с эпохи Петра I, делилось на потомственное и личное. По числу проживающих на ее территории потомственных дворян Рязанская губерния стояла (не считая двух столичных губерний) на втором месте после Смоленской. В родословную книгу Рязанской губернии к концу XIX века было внесено около 2300 родов потомственных дворян. К середине XIX века численность потомственного дворянства составляла около 11 тысяч человек обоего пола.

Личное дворянство, в отличие от потомственного, не передавалось по наследству. Его получали все гражданские чиновники и военные недворянского происхождения, получившие чин XIV класса. Они не имели права владеть населенными имениями, принадлежать к губернскому и уездному дворянскому обществу и участвовать в дворянских выборах. К 1858 году личных дворян в Рязанской губернии было около 2 тысяч человек обоего пола, то есть в пять раз меньше, чем потомственных.

Численность дворянства обеих категорий в разных уездах сильно различалась: в середине XIX века самым многочисленным оно было в Пронском уезде (2194 человека), а самым малочисленным — в Егорьевском (232 человека).

Большинство потомственных дворян проживало до отмены крепостного права в сельской местности. Численность дворян, постоянно живших в городах, в дореформенную эпоху была незначительна. Как правило, это были представители местного чиновничества, в большинстве — личные дворяне.

Манифест о вольности дворянства 1762 года освободил поместное дворянство от обязательной государственной службы и позволил постоянно проживать в поместьях. Численность поместий в Рязанской губернии на протяжении 1780—1850-х годов составляла около 8 тысяч. Помещики владели к середине девятнадцатого столетия 2,5 миллионами десятин земли, на которых располагались 439 сёл, 1973 деревень, 26 хуторов, проживало 357 тысяч крепостных крестьян мужского пола и 35 тысяч душ дворовых людей.

Поместья значительно различались по количеству земли и числу крепостных душ, и соответственно среди помещиков существовала значительная имущественная дифференциация. В середине XIX века мелкопоместными считались владельцы от 20 до 100 душ, среднепоместными — от 100 до 500, крупнопоместными — имевшие 500 и больше крепостных.

Особенностью Рязанской губернии было небольшое количество крупных поместий — около 60. Крупнопоместные дворяне, как правило, владели не одним поместьем с большим количеством крепостных душ, а несколькими средними и мелкими, расположенными в разных уездах, а часто и разных губерниях страны. Дворянская аристократия большую часть времени проводила в столицах и за границей, редко посещая свои поместья. На территории Рязанской губернии поместья имели богатейшие и известнейшие семейства России — Воронцовы, Гагарины, Долгорукие, Демидовы, Нарышкины, Чернышевы, Шуваловы, Шереметевы, Юсуповы и другие.

Подавляющая часть (90 % в 1815 году, 81 % в 1857 году) поместий на территории Рязанской губернии относилось к числу мелкопоме-

стных, но и среди них существовала значительная имущественная градация. Процесс обнищания, активно проходивший в первой половине XIX века, привёл к тому, что к 1857 году около 700 дворянских семей имели не более 10 душ крепостных, а около 400 семей вообще не имели крепостных и вели земледельческое хозяйство самостоятельно. «Само собой разумеется,— писал А.Д. Галахов,— что мелкие помещики самую бедность поставлены были в необходимость трудиться. Один из таких, К.И. Толмачев, несмотря на полковничий чин и Владимирский крест, исправлял все полевые работы вместе со своим сыном и двумя работниками».

Центром любого поместья являлась дворянская усадьба. Возникнув первоначально как жилой и хозяйственный комплекс частного землевладельца, с середины XVIII века она приобрела ряд новых функций. Для российской провинции дворянская усадьба длительное время была не только хозяйственно-экономическим, но и социально-административным и культурным центром. Именно здесь происходил тот синтез отечественных традиций и западноевропейского влияния, который и породил «золотой век» русской культуры.

В старинных сёлах в начале XVIII века часто встречались чересполосные владения нескольких дворянских семейств и, соответственно, несколько помещичьих усадеб, рядом с которыми размещались и усадьбы их крепостных крестьян. Во второй половине XVIII века барские усадьбы начали строить в отдалении от населенного пункта, выбирая для этого живописные места. Сельское поселение, в котором или рядом с которым имелась усадьба, но не было церкви, именовались сельцом, часто получавшим название по фамилии или имени владельца.

Основу жилища мелкопоместных дворян составляла типичная для русских комбинация деревянных срубных конструкций, в которой сохранялось деление на зимнюю и летнюю половину. По мере необходимости к дому делали различные пристройки. Выходец из Рязанской губернии, известный путешественник П.П. Семенов (Тян-Шанский) следующим образом описывал построенный в 1780-е годы дом своего деда: «...старый наш дом, как и большая часть домов достаточных помещиков того времени, деревянный, одноэтажный, с тесовой крышею, но довольно обширный и расползающийся в разные стороны вследствие неоднократных пристроек».

Зажиточные и просвещённые помещики строили дома, используя опыт западноевропейской архитектуры. Как правило, это был двухэтажный деревянный дом, раскрашенный под кирпич. Вокруг дворянского дома обычно располагались сад и цветник, размеры которых зависели от благосостояния и культурных запросов владельца. Под влиянием столичного опыта стали разбивать парки, первоначально во француз-

ском, затем в английском стиле. От самой усадьбы к проезжей дороге обычно вела аллея, которую обсаживали липовыми деревьями. Для водоснабжения выкапывали колодец или пруд, но для питья и приготовления пищи предпочитали использовать ключевую воду. Составной частью усадьбы являлись хозяйственные постройки.

Примером типичной усадьбы помещика средней руки в 1840-е годы может служить поместье Карцево Зарайского уезда, в котором проживала семья из пяти человек: отец, мать, две дочери и незамужняя сестра хозяйки. Дом, построенный дедом хозяйки накануне 1812 года, выглядел следующим образом. В середине дома располагался большой и высокий зал с балконом-террасой, на который вели стеклянные двери. С каждой стороны зала было по два больших окна, по бокам — по две двери. Одна вела в прихожую, которая была одновременно «лакейской». На противоположной стороне — такая же дверь в девичью, которая всегда была закрыта и задвинута столом. Рядом с каждой из этих дверей было еще по одной маленькой двери: одна в коридор и спальню матери, с противоположной стороны — в столовую. Напротив балконной двери — большие створчатые двери вели в гостиную, в которой был выходящий в сад балкон, по бокам которого находились огромные «итальянские» окна. Размещавшиеся по бокам зала столовая и спальня были ниже его, и над ними размещались «два верха». На одном из них, который находился над спальней матери и девичьей, были три комнаты. В средней из них была лестница на чердак и окно в сад. В ней стоял большой деревянный ларь — «коник», на котором спала крепостная няня. В соседней комнате жила незамужняя сестра хозяйки и одна из дочерей. В третьей — младшая дочь и гувернантка, в ней же у окна в сад стоял стол для учебных занятий детей. Второй верх занимали две комнаты, одна из них служила «кабинетом» покойному деду, в ней стояли книги. Под «кабинетом» располагались столовая, спальня отца, диванная и «образная». С одной стороны дома был луг, на котором размещались кухня и надворные постройки (конюшня, каретный сарай, ледник, погреб). С другой стороны к нему примыкал сад, в центре его находился цветник, окружённый сиренью и жасмином. На клумбах росли пионы, желтые лилии. По саду вела дорожка, обсаженная розовыми и белыми розами. Сад завершался сиреневой беседкой с дерновыми скамейками. В ней летом варили варенье. Дальше под обрывом бежал ручек, за ним был родник, откуда брали воду для питья и приготовления пищи. Окружённый забором сад примыкал и к задней части дома. Справа от балкона шли грядки цветов, за ними росла белая сирень, малина, яблоневые и грушевые деревья, за которыми располагалась беседка из хмеля, в которой стояли стол и деревянные лавки и куда летом никогда не попадал солнечный свет. Направо от балкона располагались парники,

в которых росли ранние огурцы, летом — арбузы, дыни, тыквы. За ними — вал со спаржей, далее — дорожки, обсаженные смородиной и крыжовником, беседка из акации. Пчельник. Внизу у речки располагалась баня. Напротив дома шла проезжая дорога, за ней находился скотный двор, на котором стояли избы для дворни и «катухи» для свиней и домашней птицы. Для крупного скота был отдельный скотный двор в соседней деревне. За скотным двором шли огороды, берёзовая роща, гумно с ригой и сараем для сена.

На протяжении второй половины XVIII и первой половины XIX веков на территории Рязанской губернии был создан ряд выдающихся усадебных комплексов, воплотивших в себе лучшие достижения отечественной и мировой культуры. Это ансамбль в псевдоготическом стиле в селе Красном Михайловского уезда, построенный по проекту В.И. Баженова, созданный в 1790-е годы по проекту В.П. Стасова усадебный комплекс в селе Истье Пронского уезда (ныне Старожиловский район), усадебные комплексы начала XIX века в селе Стенькино Рязанского уезда (ныне Рязанский район) и в селе Большая Алешня Ряжского уезда.

В крупных усадьбах, кроме владельца и членов его семьи, обычно проживало значительное количество посторонних людей. Это были «приживальщики» из числа бедных родственников или соседей. Они выполняли домашние и хозяйственные поручения, были компаньонами хозяйина и хозяйки, или просто — иждивенцами, которые кормились за счет хозяев. Их присутствие в доме являлось в глазах самих хозяев и окружающих свидетельством высокого социального статуса владельца усадьбы.

Каждый мало-мальски состоятельный помещик старался содержать штат дворни, в число которой входили кормилицы и няньки, камердинеры и горничные, повара, кухонные девки, кучера, садовники. Помимо определённых домашних обязанностей дворовые под присмотром хозяйки и хозяина занимались домашними промыслами: девушки — ткачеством, прядением, вышивкой, разного рода домашними заготовками, мужская часть дворни — изготовлением изделий из кожи и дерева. Большая часть этой продукции предназначалась для потребления жителями усадьбы, излишки продавались. Наиболее состоятельные и рачительные хозяева отправляли молодых крепостных в Москву или губернский город для обучения ремеслам, получения специального образования (лекарей, садовников, артистов для домашних театров).

Число дворни у большинства помещиков, как правило, далеко превышало хозяйственные потребности любого поместья. Долгое время это считалось нормой, а патриархальное хозяйство позволяло без особого труда содержать большое число дворовых. Так, в середине XIX века А.Д. Галахов, вспоминая о доме своих родителей, небогатых помещиков Сапожковского уезда, писал: «Дворня наша, в сравнении со всем

имуществом, была несоизмеримо велика, и между тем ни батюшка, ни матушка не думали поубавить ее. ...На многих служителей возложены были такие нетрудные обязанности, что все они могли быть исполнены десятилетним мальчиком: один стоял у притоки в зале, другой сидел на скамье в передней, третий употреблялся на посылки из кухни и обратно. Неуменье распределить занятия и привычка делать чужими руками то, что чрезвычайно легко сделать собственными силами, как будто оправдывало необходимость многочисленной прислуги. Слуга или девка наливали квас в стакан, когда и стакан и бутылка с квасом стояли у нас под носом; они подавали носовой платок, лежащий на соседнем кресле и бежали через пять комнат снять нагар с той свечи, которая находилась от нас вместе со щипцами в расстоянии двух вершков». Такая нарочитая бездеятельность хозяев усадьбы делала их повседневную жизнь размеренной, спокойной, отличной от напряжённых трудовых будней их крестьян.

Повседневная жизнь и развлечения провинциального состоятельного дворянства, конечно же, были не лишены блеска и роскоши, но далеко уступали столичной аристократии. И совсем ни в какое сравнение с последней не шла скромная жизнь мелкопоместного дворянства.

За редчайшим исключением рязанские дворяне в дореформенную эпоху тщательно соблюдали все церковные обряды. Приобщение к церковным таинствам, соблюдение постов, почитание праздников, особенно двенадцатых и приходских, посещение церковной службы по воскресеньям и праздникам, ежедневные молитвы были составной частью их повседневной жизни. Во многих дворянских семьях как реликвии хранились древние иконы. Так, в роду Селивановых до начала XX века из поколения в поколение передавалась икона «Казанской Божьей матери». По семейному преданию, её первым обладателем был Лев Юрьевич Селиванов, денщик Петра Великого. Брошенный в тюрьму по ложному обвинению, он во сне увидел, что под лавкой лежит икона, помолвившись которой, можно добиться справедливости. Проснувшись, арестант действительно нашел икону и вскоре был оправдан и освобожден. Одна из последних владелиц иконы вспоминала: «По завещанию наших родителей эта икона должна всегда оставаться в... доме. В случае же прекращения нашего рода или продажи Карцева (поместья, где хранилась икона. — П.А.) эта икона должна перейти в род Селивановых или передана в церковный погост Василия Великого, нашего прихода, где похоронены все наши предки».

Среди зажиточных помещиков было принято жертвовать на строительство в своих имениях храмов и часовен, которые иногда по просьбам жертвователей освящались во имя святого, покровительствующего владельцу поместья. Обычным делом даже для малоимущих помещиков

были пожертвования в пользу церкви (деньгами, утварью, окладами для икон, просто холстами и продовольствием) и вклады на помин души.

Образ жизни помещика во многом зависел от воспитания, которое он получил в родительской усадьбе, и от его образования. Большую роль в воспитании и первоначальном образовании дворянских детей, особенно в семьях обедневших дворян, играли дворовые, составлявшие постоянное окружение малолетнего «барчонка». Хотя родители находили нежелательным тесное общение своих детей с крепостными и их детьми, но полностью воспрепятствовать этому было невозможно. Часто для маленьких детей крепостные няньки и дядьки были ближе, чем родители. Через дворовых людей дети знакомились с русской народной культурой.

В возрасте 6—8 лет начиналось обучение чтению, письму, счету и молитвам. Этим занимался, как правило, кто-то из домашних, чаще всего мать или бабушка. Первым учителем мог быть и кто-то из грамотных дворовых, соседей из числа дворян или духовенства. Очень часто представители мелкопоместного дворянства так и оставались на этом уровне. Известный славянофил помещик Сапожковского уезда А.И. Кошелев с удивлением писал о «бедности и невежестве» помещиков: «Весьма многие из них, получая пособия, не могли сами в том расписаться за незнанием грамоты». Его сверстник А.Д. Галахов вспоминал: «...дед мой и бабка принадлежали к числу тех старосветских людей, которые количеством и качеством своего образования напоминали некоторые лица комедии Фонвизина. Бабушка читать не умела, а знала только славянскую грамоту, иногда сама читала молитвы во время молебнов».

В начале XIX века новые поколения провинциального дворянства вполне начали понимать ценность и значение образования и по мере сил старались дать его своим детям. Стало традицией приглашать для детей 11—12 лет профессиональных педагогов, которые должны были обучить своих подопечных основам наук, иностранным языкам, прежде всего французскому, и «благородным» манерам. Качество этого домашнего образования целиком зависело от материального благосостояния и уровня развития самих родителей, которые определяли выбор учителей. Граф Д.Н. Толстой-Знаменский вспоминал об итогах своего домашнего образования: «...я умел по-французски, не понимая ни одного слова; учился французской грамматике и решительно не умел приложить ее к делу; потребности российской грамматики не сознавал вообще. Был знаком с географией, имел отрывочные понятия и сведения из древней истории; знал кое-как и первые четыре действия арифметики».

Дети наиболее богатых дворянских родов вплоть до 1840-х годов домашнее образование завершали длительным заграничным путешествием под руководством иностранных гувернеров. Часто представители

среднепоместного дворянства, не имея возможности нанять хороших учителей, по достижении ребёнком 12 лет переселялись с ним в Москву или отправляли его туда к родственникам.

Хотя Манифест о вольности дворянства 1762 года и освободил благородное сословие от обязательной военной и гражданской службы, однако, по традиции, за редким исключением для мужской части дворянства государственная служба являлась обязательной частью жизненного пути. На протяжении всей истории Российской империи дворянство составляло подавляющую часть офицерского корпуса армии и чиновничества.

Представители рязанского дворянства участвовали во всех войнах, которые вела Россия. Среди них были такие крупные военные деятели, как генерал-аншеф князь В.М. Долгоруков-Крымский, вице-адмирал И.А. Повалишин, генерал-от-инфантерии А.И. Остерман-Толстой, генерал-фельдмаршал князь П.М. Волконский. На протяжении XIX века блестящую военную карьеру сделали три представителя семейства Скобелевых.

Однако такие блестящие карьеры являлись скорее исключением, чем правилом, так как продвижение по службе требовало удачи и протекции. Большинство покидало службу в невысоких чинах. Причиной отставки, чаще всего, было вступление в самостоятельное управление унаследованными поместьями или женитьба. По воспоминаниям А.Д. Галахова его дед «служил, потому что нельзя же было не служить дворянину; но главная цель вступления и продолжения службы состояла в том, чтобы ее поскорее кончить, что он и сделал с получением первого чина. Куда же стремился он? — к себе, в деревню, в наследственное имение, жить на свободе». Часть отставных военных переходила на гражданскую службу и становилась чиновниками, большинство же вело жизнь провинциальных помещиков.

После земской реформы 1864 года представители поместного дворянства стали играть важную роль в местном самоуправлении. Среди более 500 гласных уездных земских собраний первого созыва Рязанской губернии половина приходилась на дворян. Председателями земских собраний были уездные и губернский предводители дворянства. Определенную роль представители дворянства сыграли в качестве земских деятелей, некоторые из них были инициаторами и попечителями начального образования в сельской местности. Как правило, крупные землевладельцы занимали должности почётных мировых судей. Только потомственные дворяне могли занимать введенную в 1889 году должность земских начальников.

Неуклонное сокращение дворянского землевладения после 1861 года привело к тому, что число поместий сократилось с 8 тысяч до

4,4 тысяч. Если в середине XIX века дворянству принадлежало 70 % земельной площади, то к 1905 году на долю частных владений пришлось всего 40 % земельной площади Рязанской губернии. Причём среди собственников земли были не только дворяне, но и представители других сословий.

На протяжении второй половины XIX и начала XX века значительная часть поместного рязанского дворянства была вынуждена расстаться с вольной жизнью в собственных имениях, которые уходили за долги, продавались как нерентабельные, и в поисках средств для существования переехали в города. Они становились профессиональными чиновниками, лицами умственного труда, рантье, предпринимателями, чья повседневная жизнь была связана со столицами и другими крупными городами. Многие, не получая достаточных доходов от имения, поступали на гражданскую службу, продолжая сохранять за собой родовые гнезда. И постепенно из места постоянного обитания дворянская усадьба превращалась лишь в место летнего отдыха владельцев. Быт основной массы провинциального дворянства во вторую половину XIX и в начале XX века все сближался с повседневной жизнью зажиточного городского населения.

Первая русская революция сильно напугала поместное дворянство, и многие начали распродавать земли и уезжать в города, вкладывая деньги в предприятия и ценные бумаги. К началу XX века в Рязанской губернии было всего 200 дворянских имений с количеством земли свыше 1 тысячи десятин.

Дворянство, как сословие, было уничтожено Декретом ВЦИК и СНК от 10 (23) ноября 1917 года. К весне 1918 года в ходе осуществления Декрета о земле все частновладельческие земли были конфискованы, а многие дворянские усадьбы были уничтожены крестьянами; уцелевшие перешли в распоряжение местных органов советской власти. Большинство сооружений было заброшено, разрушаясь от времени или рук новых хозяев жизни. Погибло или было расхищено имущество, находившееся в этих усадьбах, и только небольшая часть его оказалась в фондах центральных и региональных архивов и музеев. Не менее трагической оказалась судьба их бывших владельцев. Немногие из них вплоть до начала коллективизации продолжали жить в своих бывших поместьях, ведя хозяйство на предоставленных им сельскими общинами участках земли. Большинство же оказалось на чужбине в эмиграции или было рассеяно по стране.

До введения конституции СССР 1936 года для оставшихся в стране дворян существовали ограничения в гражданских правах, но и после их отмены бывшие дворяне долгое время считались потенциально опасной частью населения. Только во второй половине XX века отношение к дворянству и дворянским усадьбам стало меняться. Свидетельством

перемен стало создание в 1994 году «Рязанского дворянского собрания» (предводитель Н.И. Тюнеев), объединяющего несколько десятков потомков рязанских дворян.

Предлагаемая вниманию читателей книга является первым опытом написания исторических очерков о дворянских усадьбах Рязанской губернии и их владельцах. Её авторы, среди которых как профессиональные историки, так и краеведы, рассказали о 20 усадьбах, без которых невозможно представить прошлое и настоящее не только Рязанского края, но и всей России. В книгу также включён ряд воспоминаний, рисующих облик губернского и областного центра ушедших эпох.

ЧАСТЬ

I

Миражи над Окой

Ирина Красногорская

Название этого села Исады по звучанию вроде какое-то нерусское, и хочется поставить его в один ряд с такими непонятными, необъяснимыми названиями ближайших к нему рязанских селений, как Лакш, Киструс или Свинчус. А между тем, корень слова широко употребляемый — сад, и во времена незапамятные село называлось Высады. И не было в названии никакой тайны: «высадь» означало просто пристань. В данном случае пристань на Оке, при слиянии с ней речки Марицы. Однако и сады имели к названию села прямое отношение. И были это не обыкновенные сельские сады, а великокняжеские, посаженные, чтобы взор радовать, душу веселить, соловьёв над Окой слушать. До нашествия Батюга находилась в Исадах летняя усадьба рязанских князей. Здесь они отдыхали от трудов праведных, здесь, случалось, и вершили государственные дела.

Церковь Воскресения

Для летней усадьбы выбрали князя местность красоты удивительной. Дошла эта красота и до наших дней почти без изменений,

а затейливые княжеские терема и великолепные радующие взор сады исчезли невозвратно. И не садами теперь славятся Исады, а луковыми да огуречными полями.

От Исад до древней столицы Рязанского княжества, Старой Рязани, около семи километров. Когда-то добирались до неё как посуху, так и по воде. Но не по Оке, делающей тут большую тридцатикилометровую петлю, а по речке Марице, вместо которой теперь овраг. Давно нет и белокаменной столицы, нет больше в Исадах удобной торговой пристани, известной не только рязанцам, но и волжским и камским народам, а село продолжает жить с тем же древним, чуть изменённым названием.

Впервые село упоминается в летописи в связи с происшедшей в нём 20 июля 1217 года трагедией. Съехались в тот день в Исады шесть князей-братьев со своими боярами и слугами на княжеский ряд. Созвал их великий князь Рязанский Глеб Владимирович якобы для распределения уделов. Не испытывал он добрых чувств к удельным князьям, из которых один, Изяслав, приходился ему родным братом, а остальные были двоюродными,— всё мерещилось, что мечтают князья-братья посягнуть на его стол, и замыслил Глеб погубить всех семерых зараз и овладеть их землями. Но даже ему, хитрому и коварному, одному такое злодеяние было не по силам, и нашёл он себе помощников: брата родного Константина и бывших врагов, союзников наёмных, половцев. Обещал брату, что сделает его наследником престола, а половцам посулил золота да утвари разной.

Беспечные и доверчивые удельные князья не заподозрили в этом внеурочном сборе ничего дурного и с радостью приняли приглашение, чтобы в дружеской беседе за чаркой доброго мёда покончить со всеми распрями.

Почти всё удалось Глебу, как замыслилось: и братья оказались доверчивы не в меру, и крепкие меды затуманили им головы, отняли ноги, и остра была сталь злодейских ножей, и безжалостны руки, их держащие. Никто из приехавших не вернулся с пира живым: погибли слуги, бояре и шестеро князей. Шестеро! А седьмой, Ингварь Игоревич, не доехал до Исад.

Интересно, что злодейское убийство произошло не в княжеском тереме, не в одном из дивных исадских садов, а на обочине дороги в разбитом на скорую руку шатре. По преданию, шатёр стоял под четырьмя дубами, огромные пни которых можно было видеть ещё в XIX веке. Теперь о средневековой трагедии напоминают только книги.

А завладеть землями убитых родственников Глебу и Константину не удалось. Человек не робкого десятка, Ингварь Игоревич, узнав о трагедии, выступил против братоубийц. На помощь ему пришёл великий князь Владимирский Юрий. В 1219 году князья-братоубийцы были из-

гнаны из Рязанского княжества. Глеб, как говорится в книге «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», «бежал в половецкие земли и там, подобно Святополку Окаянному, кончил свою жалкую жизнь в безумии, сделавшись ненавистным самому себе».

Великим князем и, значит, владельцем Исад стал Ингварь Игоревич, а когда он скончался в начале двадцатых годов XII века, — его брат Юрий. Тот самый князь Юрий, который возглавил героическую оборону Рязани во время нашествия Батыя. Это он обратился к рязанцам с широко известными по учебникам истории словами: «Братия моя милая, и дружина ласковая, узорочье и воспитание Рязанское, мужайтесь и крепитесь; брат наш Давыд прежде нас чашу испил, и мы ли ее не изопьем!» Рязанцам не удалось отстоять город, хотя они «через многие полки Батыевы проезжали насквозь, храбро и мужественно сражаясь, так что все полки татарские подивились крепости и мужеству рязанского воинства. И едва одолели их сильные полки татарские. Здесь убит был благоверный великий князь Юрий... и многие князья местные, и воеводы крепкие, и воинство: удалызы и резвцы рязанские. Все равно умерли и единую чашу смертную испили. Ни один из них не повернул назад, но все вместе полегли мертвые».

Разрушена была прекрасная столица над Окой. Её участь разделили и Исады. И хотя, в отличие от Рязани, село сумело возродиться, навсегда утратило значение летней великокняжеской резиденции. Кто владел им три века, неизвестно.

В начале же XVI века село — вотчина дворян Ляпуновых, ведущих свой род от младшего брата Александра Невского. Сын новгородского боярина Семён Ляпунов переселился на Рязанскую землю в первой половине XV века и, видимо, преуспел на новом месте. Во всяком случае, его правнуки Иев и Пётр как представители от Рязани (Переяславля Рязанского) входили в тысячу лучших слуг Ивана Грозного и занимали среди рязанских дворян высокое положение (нечто среднее между боярами и детьми боярскими). Оно дало возможность Ляпуновым породниться с потомками древних рязанских боярских фамилий. Григорий Петрович Ляпунов женился на дочери богатого землевладельца из рязанского боярского рода Булгака Андреевича Корокодымова, зятя которого Михаил Денисьев, Андрей Ржевский и Василий Вердеревский принадлежали к исконной рязанской знати.

К началу XVII века сыновья Петра и Иевы известны уже как рязанские землевладельцы. А центром их владений являлось село Исады, к которому относились «рыбные ловли в озерах Глубоком, Мелком, Сенине, да в озерах Спутякшине, Княжом, Грязком, да два истока: Андреев и Куратов».

Младшим сыном Петра (всего он имел шестерых сыновей) был известный Прокопий Ляпунов, организовавший в начале XVII века первое ополчение против поляков. Нет ни одной серьёзной работы о так называемом Смутном времени, где бы ни упоминалось его имя. Наверное, прославился бы он и в другой период русской истории, поскольку личностью был незаурядной, обладал талантами военачальника и организатора, действительно любил отечество. Эта любовь, а не жажда власти определяла его поступки, противоречивые настолько, что создаётся впечатление, будто он метался по политической арене, бездумно меняя свои предпочтения. Но это впечатление обманчиво: когда углубишься в изучение литературы о нём, поймёшь, что, будучи рязанским воеводой и думным дворянином, он просто не мог оставаться в стороне от той политической чехарды, которая несколько лет велась вокруг верховной русской власти и сотрясала государство после смерти царя Фёдора. Он хотел, чтобы установились порядок и мир, а потому поддерживал то Бориса Годунова, то его противников, признал власть Василия Шуйского, оказался сподвижником «холопского атамана» Болотникова, помогал утвердиться польскому королевичу Владиславу, которого бояре пригласили на русский трон. Надеясь, что тот, став русским царём, сумеет наконец навести в стране порядок, Ляпунов заставил рязанцев присягнуть королевичу и поставять полякам, занявшим Москву, продовольствие. А поняв, что ошибся, рассчитывая на благородство иноземцев, что они вовсе не благодетели, а захватчики, обратился к московской знати с воззванием и сам организовал против поляков ополчение. Историк Николай Костомаров в книге «Смутное время Московского государства» приводит народную песню, в которой говорится о этих решительных и смелых действиях Ляпунова:

Многие русские бояре нечестивцу отдались,
Нечестивцу отдались, от Христовой веры отреклись,
Уж один-то боярин думный воеводушко крепко веру защищал,
Крепко веру защищал, изменников отгонял:
Уж как думный воевода был Прокофий Ляпунов,
Как Прокофий-то Петрович рассылал своих гонцов,
Как Прокофий Ляпунов роздал письма своим гонцам,
Роздал письма гонцам и приказ им приказал:
«Поезжайте вы, гонцы, на все русские концы,
На все русские концы, во большие города,
Вы просите воевод идти с войском сюда,
Свободить город Москву, защищать веру Христа».

К Ляпунову присоединились со своими войсками князь Дмитрий Трубецкой и казачий атаман Иван Заруцкий. Вместе они составили

триумвират, который должен был управлять не только собравшимся под Москвой ополчением, но и всем государством. Увы, триумвират оказался крайне неудачным. Военачальники преследовали совершенно разные цели, не доверяли друг другу, к тому же каждый из них был не в меру амбициозным. Возникли распри и в общем войске, особенно между ополченцами Ляпунова и казаками. Поляки или другие недоброжелатели Ляпунова, не без основания признающие его главным в этой тройце, воспользовались создавшимся положением и подбросили казакам письмо, которое якобы написал он. Автор письма обращался с призывом к своим сподвижникам бить казаков и топить. А тут, как нарочно, двадцать казаков были преданы казни за разбой — брошены в воду. Это совпадение (провокация?) сыграло роковую роль: союзники убили Ляпунова. «Во всей Русской земле его знали за первого человека», — напишет о нём через много лет Костомаров. Время меняет масштабы личности: «большое видится на расстоянье».

С Ляпуновым погиб его соратник Иван Ржевский, который, возможно, приходился ему двоюродным братом. Случилось это 22 июля 1611 года.

Скорее всего, именно Прокопию Ляпунову принадлежали Исады, потому что в 1636 году сын его Владимир, который тоже был рязанским воеводой, построил вблизи села маленькую одноэтажную каменную церковь. В алтаре её находился крест с надписью: «Лета 7144 года мая в 20 день... сей крест приложил в вотчину свою в Старой Рязани в селе Исадах в церковь Воскресения Христова... Владимир Прокопьев Ляпунов по своему родителе и по себе».

Потом, в 1657 году, Исады перешли по наследству к Луке Владимировичу Ляпунову. Он известен тем, что перестроил маленькую церковь, расширил её, возвёл второй этаж с папертью, воздвиг шатровую колокольню.

Вот и все документальные сведения о деятельности Ляпуновых в Исадах. Великолепных садов владельцы не возродили, а о церкви, их коллективном фамильном произведении, не раз писали искусствоведы. Так, Е. Михайловский и И. Ильенко отмечали: «...церковь в Исадах строилась незаурядным архитектором, возможно, царским, что было вполне под силу стольнику Л.В. Ляпунову». А, по мнению Г. Вагнера, «зодчий второго яруса хотел выразить идею величия, достойную фамилии Ляпуновых и их роли в русской истории. К этому звала и постановка храма на крутом берегу Оки, откуда открывалась двадцатикилометровая перспектива на заокские дали, на стоящий вдали Облачинский монастырь. Церковь выигрывает в монументальности и оттого, что шатровая колокольня над трапезной сделана в очень легких, почти «игрушечных формах».

«В стенах древнего храма села находятся, по преданию, кожаные деньги, замурованные здесь с целью возобновления на них храма, если бы это понадобилось», — сообщается в книге «Россия...».

«Воскресенская церковь — памятник исключительного значения не только по своим оригинальным величественным формам, но и по всему, что связано с Ляпуновыми», — отмечал Вагнер. С одним из них, шацким воеводой Фёдором Ляпуновым, связано интересное распоряжение Петра I. Царь писал ему в мае 1721 года из Риги: «...Понеже в здешних краях, как в Курляндии, так и Пруссии у мужиков обыкновение такое, что хлеб снимают вместо серпов косами с граблями, что перед нашими серпами гораздо скорее и выгоднее, так что средний работник за десять человек сработает, из чего видеть возможно, какое великое подспорье будет в работе, для чего хлеба умножать будут». Пётр предлагал Ляпунову внедрить это новшество в Шацкой провинции, даже направлял ему инструкторов: «Того для сыскали мы таких мужиков, чтоб обучили наших... и когда они у вас явятся, тогда определите их в Шатском, Касимовском уездах и в прочих хлебородных местах, присутствующих вашей провинции...». И прекрасно зная своих соотечественников, царь наставлял воеводу: «...И понеже, хотя что добро и надобно, а новое, то наши люди без принуждения не делают, того ради распоряди сам и пошли верных людей, чтоб конечно сегодняшним летом выучить. <...> Сколько выучишь и сколько кос и грабель сделано у мужиков буде и сколько сим образом скосят, где и чьи мужики, о том отрапортуй сентября в последних или октября в первых числах, ибо взыщется на вас...».

Это новшество, внедрять которое пришлось Фёдору Ляпунову, демонстрируется теперь как архаизм в рязанских музеях, в частности, в кораблинском, где и довелось мне его впервые увидеть.

В документах, связанных с Отечественной войной 1812 года, упоминаются потомки Ляпуновых, подполковник Александр Александрович Ляпунов и полковник Дмитрий Петрович Ляпунов, но к Исадам они отношения не имели.

У села в то время был другой владелец — камергер Григорий Петрович Ржевский. Звание «камергер» говорит о том, что этот Ржевский был человеком заслуженным, так как в 1809 году указом Александра I придворный штат камергеров был сокращён, и звание приобрело характер почётного. Но придворным, наверное, Ржевский все-таки успел побывать ещё при царствовании Екатерины II: едва ли при аскетичном Павле он позволил бы себе столь легкомысленное, несолидное для придворного увлечение. Камергер был первым в Рязанской губернии балетоманом и создал из своих крепостных в Исадах балетную труппу.

Император же Павел балет посещал редко, не одобрял танцующих мужчин и не раз жельчно декларировал: «Мужчина должен быть воином, а не плясуном». Хотя его прадед считал, что одно другому никак не мешает. Вот что об этом писал Сергей Николаевич Худеков в 4-м томе «Истории танцев»: «По приказу царя русские дамы и кавалеры обучались танцам у пленных шведских офицеров. Сам Пётр и его супруга Екатерина принимали участие в танцах и, по словам современников, танцевали очень грациозно, выделяли «каприоли» так искусно, что им мог позавидовать и профессиональный танцмейстер. <...> Благодаря введению ассамблей, танцы вошли в число обязательных предметов при воспитании молодежи».

Танцевальное искусство как одно из театральных зрелищ вошло у дворян в моду в царствование Анны Иоанновны. В мае 1738 года в столице была создана Танцевальная Ея Величества школа, «в коей положено ревнительно обучать танцевальным представлениям». Императрица сама выбрала для неё первых учеников, двенадцать девочек и двенадцать мальчиков. Последовавшие после её смерти дворцовые перевороты несколько снизили интерес к искусству «иноземной поступи». При Екатерине II увлечение танцами возобновилось с новой силой и даже тогда захватило наследника. Он брал уроки танцев и делал успехи, даже дебютировал в придворном балете, в котором, правда, танцевали непрофессионалы. А для более профессиональной подготовки актёров в конце семидесятых годов решено было танцевальную школу реорганизовать, как и иные школы искусств, соединить их в единую Санкт-Петербургскую театральную школу. Школе придавалось такое большое значение, что она разместилась в так называемом Лейб-компанском доме, соединявшимся с Зимним дворцом (!) через здание Эрмитажного театра. Директор театров В.И. Бибиков отмечал, что без этой школы «не могло бы быть ни истинной экономии, ни талантов из русских людей. <...> ...русские поощрены и поощряются к приобретению талантов прибавкой к жалованью». Прибавка к жалованью касалась выпускников школы, воспитанники же обучались и содержались за казённый счет. Этим обстоятельством пользовались придворные и определяли в школу своих малолетних крепостных, тем более худо ли бедно, но школа давала и общее образование, вплоть до изучения французского языка. Даже богач из богачей Демидов не упустил возможности обучить своих крепостных бесплатно: «1797 года августа 30 дня, я, нижеподписавшийся, Николай Никитин сын Демидов, заключил сие условие с Дирекциею над зрелищами и музыкой в том, что отданы мною крепостные мои дворовые девки: 1) Авдотья Петрова, 14 лет; 2) Катерина Алексеева, 13 лет и 3) Анна Павлова, 13 лет, в оную Дирекцию от сего вышеписанного числа впредь на пять лет, то есть до 1802 года августа по

30 дня для употребления, по знанию их, в танцах; а Дирекция во все оное время обязуется содержать их безбедно, как пищей, так и всем нижним и верхним платьем, снабжать оных квартирою, дровами и освещением; равно продолжать обучать их танцеванию. Если Дирекция найдет оных неспособными или дурного поведения, то вольна оных отослать обратно прежде срока без всякого прекословия. Мне же, Демидову, до истечения пятилетнего срока, означенных девушек от Дирекции не брать, а после пяти лет волен отдать ли оных еще в Дирекцию, или взять обратно себе».

Видимо, и Ржевский для обучения своих танцовщиц «иноземной поступи» не приглашал в Исады учителей. В основном это были иностранцы, и брали они за уроки немислимо дорого — 1000 рублей в год, в то время, как примадонне рязанского театра платили 100 рублей, живописцу того же театра — 75, а музыкантам и того меньше — от 5 до 15 рублей в год. И так оплачивался тогда в губерниях не только труд работников искусства. Например, лекарю в Шацкой провинции полагалось в год 30 рублей с уезда. И ещё одна цифра для сравнения — строительство деревянного здания рязанского театра обошлось в 2776 рублей.

Надо заметить, что во все времена труд в столицах ценился намного дороже, чем в провинции. Так, русские балетные артисты получали в конце XVIII века от 150 до 500 рублей в год, а их иноземные коллеги намного больше. Известен случай, когда оперная звезда, некая Габриэль, при возобновлении контракта запросила с Екатерины II аж 10000 рублей. Ошеломленная императрица воскликнула: «Подобное жалование у меня получают только фельдмаршалы!» На что «звезда» дерзко парировала: «В таком случае, вы и заставьте петь ваших фельдмаршалов».

Крепостные актрисы, конечно, не могли так капризничать и в основном работали за своё содержание. Но кое-кто из владельцев уже начал платить. Известный театрал Н.П. Шереметев назначил в 1799 году своим артистам жалование от 10 до 60 рублей в год. И это в то время, как на содержание воспитанника в театральной школе полагалось 11 рублей.

Неизвестно, платил ли своим артистам Ржевский, но его труппа периодически выступала на сцене государственного рязанского театра, который назывался «Оперным домом», и, значит, сам-то он какие-то деньги от этих выступлений имел.

Наверное, не ради того, чтобы любоваться с балкона танцующими на берегу «ундинами», создал он балет и не ради того, чтобы услаждать «иноземной поступью» взоры спасских соседей помещиков. Хотя и в первом и во втором случае зрелище было бы восхитительное.

Представим себе прекрасный летний вечер. Серебрится, зыбится на тёмной воде Оки лунная дорожка. И на лугу, как раз напротив этой

дорожки, будто только-только пробежав по ней, грациозные, почти бестелесные девушки то сходятся, то расходятся в танце. На них белые легкие одежды, белые венки из цветов яблони, вишни или ветреницы. Впрочем, и одежды и венки в ливне лунного света кажутся серебристо-голубыми, а девы — прекрасными, какой бы ни была их поступь, иноземной ли, русской ли плясовой, и глаз от них не оторвать. И от упоения красотой млеют на балконе гости, млеет преисполненный гордости хозяин. Он стар, у него подагра, он едва передвигается и в кресло его усаживают ловкие ребята — камердинеры. Но глядя на волшебный вечерний танец, камергер сбрасывает с себя дряхлость, как изношенную, осточертевшую одежду. Он вновь молод, успешен и любим. И он не в Исадах, не в рязанском захолустье, от которого до столицы ехать и ехать, а — в самом Санкт-Петербурге, в Эрмитажном театре и всё ещё при дворе императрицы. Смотрит новый балет и восхищается не столько танцами, сколько мастерством театрального живописца: как удались ему прибрежный луг в лунном серебре и холодный сапфир воды, и тёмная полоска дальнего леса, почти что линия, отделяющая земную твердь от небесного пространства. А сами небеса! Однако в антракте с приятелем, имя которого он не может вспомнить, они говорят не о живописце — обсуждают прелестную дебютантку Иванову Анисью, из сиротских воспитанниц. Она после окончания школы была зачислена в труппу не фигуранткой, как остальные выпускницы, а сразу танцовщицей. И он, шутки ради, чтобы несколько досадить приятелю, который восхищён этой Анисьей безмерно, у них, возможно, амур, говорит, что готов биться о заклад, его, Ржевского, дворовые девчонки, обученные в школе, через пять лет все выйдут из неё танцовщицами, не фигурантками и будут танцевать лучше Анисьи. Приятель легко соглашается на пари — и проигрывает. Какая нелепость — уже после своей смерти. Да, бедняга пускает себе пулю в лоб примерно за год до выпуска исадовских танцовщиц, проигравши в карты все своё состояние.

«О, карточная игра в наше время была одним из тягчайших пороков придворной жизни», — думает камергер и вспоминает, на какие ухищрения пускались заядлые картёжники: и карты метили, и учились у фокусников сдавать их определённым образом, и пемзой кончики пальцев истирали до крови, придавали им большую чувствительность. «А матушка-императрица, чтобы отвратить от карточной игры, приобщала нас, молодежь, к театру, к балету, — произносит он во сне и смеётся. — Хитра была Миневра!»

Ржевский спит, и комары ему не докучают, дремлют гости, приобщившись к искусству танцев, а перед тем к разного рода горячительным напиткам. А девушки все танцуют на заглодевшем от выпавшей росы

лугу, отгоняют несносных комаров заранее приготовленными ветками, стараясь увернуться от них, делают батманы и пируэты.

С изумлением и испугом смотрят на небывалый танец корабель с проплывающих мимо по Оке парусников.

Странно, но нет в Исадах легенды о луговых танцовщицах. А легенда о не приехавшем на кровавый пир Ингваре Игоревиче существует, но связана она больше с другим селом, поэтому приводить её не буду.

Не могли не понимать гости камергера Ржевского, да и, прежде всего, он сам, что его «эльфы» и «зефиры» — танцующий капитал, порхающие по приокскому лугу, по сцене сбережения. Но возможно, возможно, как и Шереметев, он обзавелся танцовщиками лишь из любви к искусству. Возможно, Ржевский был вообще эстет. В пользу этого предположения свидетельствует тот факт, что помимо балетной профессионально подготовленной труппы, он владел в Исадах ещё двумя прекрасными зданиями, так называемыми Белым и Красным домом. Их описал Г.К. Вагнер, который видел их, когда они ещё использовались по назначению:

«Белый дом стоял у самого обрыва высокого берега Оки. Он назывался так, вероятно, в отличие от Красного дома, построенного рядом. Красный дом никогда не штукатурился. Белый же дом штукатурился и белился до последних дней его существования.

Ни время построения, ни автор Белого дома неизвестны. Несомненно, дом построен в XVII веке. Об этом говорит его совсем не ампириная композиция. Двухэтажный корпус дома спроектирован в виде продолговатого прямоугольного блока с большой (почти во весь набережный фасад) лоджией, занятой деревянным балконом на кирпичных столбах. Деревянная колоннада балкона поддерживает кровлю. Первый этаж и столбы балкона обработаны крупными рустами. Этот более низкий этаж играет роль цоколя. В нём размещались хозяйственные и служебные помещения. Второй высокий этаж расчленялся пилястрами и завершался двумя поясами карнизов. Над большими оконными проёмами были устроены полукруглые ниши — люнеты. Крутые склоны кровли сообщали дому старинный вид.

В Белом доме нет ничего дворцового, а также барочного. Скорее, можно говорить о своеобразной ранней классике в его сдержанной архитектуре. Но в нём нет и интимности усадебных домов «средней руки». Ему в немалой мере свойственен дух прошлого. <...> Совершенно исключительна по красоте постановка Белого дома на крутом, некогда заросшем старыми липами берегу Оки недалеко от ляпуновской церкви. Ансамбль приобрёл ещё большую привлекательность, когда между Белым домом и церковью был построен Красный дом. Утопающие в

купах зелени дома и церковь были, несомненно, самым красивым ансамблем в рязанском течении Оки.

Большим вкусом отличались просторные интерьеры Белого дома, особенно его гостиные, в которых так ярко выражен дух XVIII — начала XIX века.

Весьма своеобразен и... Красный дом... Он построен... Ржевскими, то есть до 1815 года, когда Исады перешли к Кожиным.

Вытянутый прямоугольник дома и хороший четырехколонный портик тосканского ордера с мощным фронтоном как будто придаёт зданию ампирную внешность. Но стоит обратить внимание на то, как непринуждённо сбегает с него деревянная лестница, как наивно, совсем в духе XVII века, декорированы оконные проёмы, как откровенно не замаскированы штукатуркой живописные кирпичные стены, и станет ясно, что здесь красивым считалось совсем не то, что в ампире. Сам владетель Исад, В.Н. Кожин, говорил о Красном доме: «Сундук и больше ничего». Но дом строился столетием раньше, он предназначался для балерин, в нём была театральная сцена, во внешних архитектурных особенностях дома, в красно-белой игре его фасадов, несомненно, виделось определённое художественное качество, может быть, даже своя романтика...».

Если Вагнер не ошибся в дате, когда в очередной раз произошла смена владельцев Исад, то выходит, лишившись усадьбы, Ржевский не сразу расстался со своими танцовщицами. Он продал всю труппу (двадцать одного человека) дирекции императорских театров только в 1824 году. Причём, деньги, 28000, (с учётом надбавки за первоначальное обучение) ему выплачивались в течение пяти лет. И это обстоятельство тоже может служить доказательством тому, что Ржевский был истинным балетоманом. Не разрушил труппы, хотя, продавая танцовщицу «в розницу» в частные театры, мог бы заработать на них больше. Согласился на рассрочку платежа только потому, что желал артисткам лучшей доли, хотел, чтобы танцевали они на императорской сцене и своим искусством покоряли столичную, требовательную публику. Его чаяния будто бы сбылись: танцовщицы из Исад вошли в труппу Большого Петровского театра.

Кожины владели усадьбой на протяжении века, а в России они появились в XV веке. «Полумифическим родоначальником Кожиных,— пишет Г.К. Вагнер,— выступает некто Юрий Бахты-Франц (Франценбах, Фаренсбах) из Швеции. Крестившись под именем Анания, он служил у Великого князя Московского Василия II Тёмного. Но фамилия Кожин пошла от его сына, Василия Ананьевича. Она происходит от слова «кожа». Кусок кожи от коня убитого врача Василия II привёз

князю Василию Ананьевич. От него и пошли Кожины (в Кашинском уезде). Сын Василия Ананьевича Кожина, Матвей, стал чудотворцем Макарием Калязинским. Отсюда идёт длинная череда Кожиных, среди которых были видные духовные лица, а также воеводы, бояре, дворяне, моряки, военные. Петр Никитич Кожин (1728—1805) был директором Каменного приказа...».

Купил Исады Иван Артамонович Кожин (1781—1833), полковник и флигель-адъютант. Он почти двадцать лет владел селом, там и умер, был похоронен у церкви. Его сын Иван (1810—1898) в молодости тоже военный, вышел в отставку в чине штабс-капитана, был председателем Спасской земской управы. Имение он передал своему брату Николаю Ивановичу, от которого оно перешло к его сыну Владимиру.

В своем имении Кожины занимались сельским хозяйством, хотя земли там скудные и малоподходящий для земледелия рельеф.

Приспосабливаясь к этим неблагоприятным для ведения сельского хозяйства условиям, крестьяне, в основном после отмены крепостного права, шли в отход, принялись выращивать на своих наделах морковь и лук, который пользовался большим спросом. В 1913 году, например, из Исад и ближайших к ним деревень только по железной дороге было вывезено 150 тысяч пудов лука, немалое количество его отправлялось на рынки и водным путем. Вероятно, и Кожины имели к нему отношение, если не сажали на своих землях, то отдавали какую-то часть их в аренду крестьянам под посадку лука. Известно, что в Спасском уезде, к которому относились Исады, собственной земли крестьяне имели примерно 15 тысяч десятин, арендовали же более 17 тысяч, а Исады входили в тройку сёл, где аренда была наиболее значительной.

И все-таки Кожины внесли личный вклад в развитие российского сельского хозяйства. Основными направлениями в хозяйственной деятельности у В.Н. Кожина, который владел усадьбой в конце XIX века — начале XX были «полеводство («замечательное»); луговоеводство (300 дес.); плодородство...». Именно Кожины возродили в селе садоводство, zaloжили на 10 десятинах сад, состоящий преимущественно из яблоневых деревьев. При В.Н. Кожине появились в Исадах паточный и крахмальный заводы. Вот как описывает усадьбу, по своим детским впечатлениям, Г.К. Вагнер:

«Я вспоминаю Исады как земной рай. Оба дома стояли на высоком правом берегу Оки, «белый» — почти у кромки обрыва, а «красный» — отступя от него, так что перед ним оказывалось место громадному цветнику, которым «владела» бабушка. За дворовыми фасадами домов располагались конюшня, скотный двор, птичник, амбары для зерна, большой колодезь с конным приводом и на самом дальнем конце — гумно с молотилкой. Все эти постройки обрамлялись с одной стороны оврагом,

заросшим лесом («Детинух»), а с другой — громадными садами и церковью, за которыми находилось село Исады. За «Детинухом» простирались дедовские поля. За Окой, на так называемой «Дегтянке», располагались покосные луга.

...За «белым» домом узкая тропинка среди кустов сирени вела на так называемую Красную горку — площадку на самом острие мыса, образованного высоким берегом Оки и оврагом «Детинух». Здесь стоял большой деревянный гриб со скамьями под ним. Отсюда открывалась перспектива на уходящую вправо (вниз по течению) Оку и на видневшееся вдали имение Муратово — владение Кашкардовых...

...Наиболее поэтические воспоминания связаны, естественно, с «Детинухом» и с обширными дедовскими садами.

...С дедушкиными садами связаны яркие воспоминания, не столько романтические, сколько игровые. В Исадах у дедушки было два больших сада — верхний и нижний. Они разделялись бульваром, ведущим из имения в деревню. Верхний сад считался дедушкиным, а нижний — бабушкиным.

Верхний сад скорее всего отцом Владимира Николаевича был обсажен елями, которые в дни нашего детства образовали тенистые густые аллеи, густые настолько, что в них стоял полумрак и одному идти по аллее даже днём было страшновато. В некоторых местах из аллеи были лазы в сад, и мы скоро хорошо изучили и запомнили, у какого «лаза» находятся яблони или груши с особо вкусными плодами. В глубине сада можно было заплутаться, а отдаленные части его так и остались нами не «не освоенными». Недалеко от садовых ворот росли вековые липы, под которыми иногда пили чай. По соседству находился громадный амбар, или, вернее, шалаш, крытый дранкой в два ската. Сюда, в специальные дощатые отсеки, собиралась из сада пададь плодов. Аромат в шалаше стоял чудесный. Богатство сортов яблонь и груш рано развили в нас знание сортов самих плодов, большинство из которых из-за суровых зим и экспериментов Мичурина совершенно вывелись. Сейчас, например, мало кто знает, что такое «терентьевка» или «чернодеревка»...

В саду находилась плантация клубники. Сюда без разрешения нам (внукам хозяев. — И.К.) заходить запрещалось, но так как «запретный плод слаще», то сторожа нередко гонялись за нами с палками. Свободный доступ зато был в вишнёвник, и нам доставляло большое удовольствие залезать на старые вишни, чтобы клевать ягоды сверху. Особое любопытство почему-то вызывал застывший на стволах вишнёвый сок, из которого делали клей. Мы никакого клея, конечно, не делали, но эту смолу собирали и даже жевали.

Нижний (бабушкин) сад рос на более низкой приречной террасе, был более молод, разрежен и прозрачен. Его преимущества для нас

состояли в том, что садовый склон, спускаясь к реке, переходил в лес, называвшийся почему-то Английским садом (вероятно, по иррегулярности?)».

Но не только благодаря сельскохозяйственным успехам вошли Кожин в историю России, Павел Сергеевич Кожин (1801—1851) с мая 1843 года по август 1851 года был губернатором Рязанской губернии. При нём в рязанской сельской местности стало распространяться школьное образование, открылись первые восемь училищ Министерства государственных имуществ. Г.К. Вагнер замечает, что он отличался «честностью, но был нелюбим местным дворянством». Советским же людям, интересующимся рязанской стариной, П.С. Кожин запомнился, скорее всего, как личность одиозная. Такое представление о нём сложилось под влиянием карикатур известного художника-графика XIX века Петра Михайловича Боклевского. Он занимал одно время должность губернского секретаря, в свободное время рисовал. Чиновник-художник отличался вольнолюбивыми мыслями, антикрепостническими идеями. Не оставил их и тогда, когда приехал в Петербург и поступил вольнослушателем в Академию художеств, так что на него в III отделении завели дело. Как доказательство неблагонадежности художника в деле фигурировали его карикатуры. На некоторых изображался рязанский губернатор Кожин — то свиньёй, которую рязанские откупщики стараются соблазнить различными подношениями, то разъярённым быком, то палачом, держащим в правой руке секиру, а левой ухватившим за волосы коленопреклоненную женщину, которая олицетворяла Рязанскую губернию.

Разговаривая однажды с Георгием Карловичем Вагнером, я упомянула эти карикатуры. «Губернатор был моим предком по материнской линии. И не всё там так просто,— сказал он и, закрывая тему Кожина, добавил: — Одним из предков, тоже по материнской линии, был и знаменитый мореплаватель Головнин. Я двоюродный правнук Василия Михайловича Головнина. Моя бабушка Елизавета Николаевна, в девичестве Головнина, была двоюродной племянницей знаменитого мореплавателя». — «А к знаменитому композитору вы тоже имеете отношение?» — поинтересовалась я, не рассчитывая, впрочем, на положительный ответ. «Рихард Вагнер тоже мой двоюродный прадед»,— ответил Георгий Карлович и перевёл разговор на наши рязанские дела.

Дважды побывав в тюрьме и лагере как политический заключённый, Георгий Карлович старался как можно меньше говорить о своих родственниках, тем более и после реабилитации он значился «невъездным». Я познакомилась с этим выдающимся учёным, доктором искусствоведения, лауреатом Государственной премии СССР в конце 80-х годов, когда работала вместе с С.В. Чугуновым над книгой «Там, за стенами седыми...». Георгий Карлович написал к ней вступление.

Совсем недавно из книг, вышедших уже в постсоветский период, я узнала, что последний владелец усадьбы в Исадах Владимир Николаевич Кожин — родной дед Георгия Карловича и что «для его деда утрата усадьбы была «трагедией всей жизни», он умер в 1924 г, просидев почти год в тюрьме и ни разу больше не побывав в усадьбе, хотя крестьяне хранили к нему, «образцовому хозяину», огромное уважение, а потому несли гроб с его телом на руках три километра, чтобы похоронить в усадебной церкви». Хорошо, что он не стал свидетелем того, как разрушаются, гибнут прекрасные усадебные строения. Это произошло не сразу после революции: в уезде были приняты меры против погромов и поджогов. Уцелели здания и после того, как на землях усадьбы была создана первая в уезде трудовая коммуна «Пламя». Ещё в середине XX века ими любовались пассажиры пароходов, плывущих по Оке. Мне посчастливилось девчонкой стать одной из них.

Берега Оки от Рязани до Касимова однообразны и мало привлекательны. Скучна чуть тронутая невысоким ивняком луговина левого берега. Не радуют глаз и продырявленные стрижами глиняные кручи правого берега с нахлобученными кое-где на их вершины непритязательными избами. И вдруг на одной из круч не серая шапка деревенских построек, а кудри пышной зелени разных тонов, от салатного до оливкового, почти чёрного. И на фоне зелени — немыслимые, невероятные в сочетании с девственной природой здания. Ах, эти портики, эти колонны! Всегда они будоражат воображение, настраивают на романтический лад. И чудится за ними нечто необыденное, высокое. У меня здания с портиками и колоннами тогда ассоциировались с храмами искусства — театрами. Да и не только у меня. Лёгкий галдёж поднялся на верхней палубе, когда пароход поравнялся с Исадами: «Что это? Откуда здесь театр, да такой великолепный?»

В то время жители Исад гордились красотой старинного архитектурного ансамбля, а потом вдруг перестали видеть его красоту. Получили, как теперь говорят, установку на целесообразность. Согласно ей красота без видимой, сиюминутной пользы не имела права на существование. Дворянским домам не нашли применения и их уничтожили. «От больших, удобных двухэтажных каменных домов, рассчитанных на несколько столетий доброй службы,— делится своими впечатлениями Г.К. Вагнер,— остались заросшие бурьяном ямы, из которых, как кости скелета, торчали прутья железной арматуры... сады и окружающие их еловые аллеи сведены. Не сохранилось ни одной хозяйственной постройки... Наверное, полудикая орда степных кочевников, неоднократно набегавших на Русь, не оставляла столь опустошительных следов».

Подобная участь ожидала и древнюю церковь, в которой больше никто не молился... Хорошо, что наступили перемены. Церковь была

передана верующим и сейчас же стала реставрироваться. На средства жителей Исад и окружающих ближайших деревень, то есть на средства прихожан. Государственную премию имени Репина внёс в начале 1992 года на восстановление храма народный художник РСФСР Виктор Иванович Иванов.

Москвич по рождению и прописке, большой русский художник Виктор Иванович, немало поездивший по свету, тем не менее, привязался душой к рязанскому селу Исады, работает и отдыхает в нём уже несколько десятков лет. «Вся моя жизнь художника связана с рязанской землей,— сказал он,— не отделяю себя от её людей. Я выражаю себя, изображая их, изображаю их без взгляда сверху или снизу, но веря, что понятие добра и зла, понятие правды рождает народ».

Надо заметить, что, видимо, существует и некая генетическая связь художника с рязанской землёй — его мать родом из села Ряссы. В Ряссах у художника на дедовой-прадедовой усадьбе даже небольшой домик, но работается ему лучше в Исадах. Благодаря картинам Виктора Иванова «Похороны в Исадах», «Похороны. Вечная память на войне погибшим, без вести пропавшим, всем родным и близким», «Крещение в Исадах» и «В дни 1000-летия крещения Руси в селе Исады», древнее рязанское село приобрело всемирную известность. И это не преувеличение: картина «Похороны. Вечная память...» находится в собрании Третьяковской галереи. Полотно «В дни 1000-летия крещения Руси в селе Исады» приобрёл Русский музей.

Писал их художник в возрождаемом храме. Теперь он восстановлен. Мне довелось видеть его ещё в лесах, и даже, несмотря на большой церковный праздник, рождество Иоанна Предтечи, не прекращались реставрационные работы. А в восстановленной части Воскресенского храма шла служба, и вновь под его сводами звучало церковное пение.

Судьба ханского подворья

Ирина Грачёва

Минарет
Фото А. Шведа

В глубине мещёрских лесов затерялся городок, некогда носивший название Городца Мещерского и служивший сторожевой крепостью на русском порубежье. Во время татарских набегов он не раз был разорен и сожжён дотла. Это заставило жителей перенести своё поселение чуть далее по Оке. Однако в середине XV века Городец ждал неожиданные и значительные для его исторической судьбы перемены. Московский князь Василий II (Тёмный) вознамерился отвоевать свой утраченный престол у Дмитрия Шемяки. Ему оказали активное содействие казанские царевичи Касим и Якуб со своими родичами. Политические союзники одинаково нуждались друг в друге. Василию очень кстати пришлось неожиданная поддержка опытных воинов, готовых ради его интересов сражаться с любым противником. Касим и Якуб бежали из Казани, где в результате дворцового переворота погибли их отец и младший брат. Они искали на Руси убежища и покровительства. За верную службу Василий пожаловал им Городец

Мещёрский (или Низовой Городок, как его ещё называли). Так по княжескому указу возникший среди лесов и болот древний русский город стал удельным татарским ханством, получив название Касимова.

Рядом со старинным острогом, внутри которого жались друг к другу деревянные избёнки и церквушки, на соседнем холме, прозванном Татарской горой, появились сооружения из массивных известняковых плит: мечеть с минаретом, ханский дворец, потом начали возводиться и каменные мавзолеи-текие, памятники скончавшимся ханам и их родне. Необычная жизнь шла в Касимове: на городском торгу вперемешку слышалась разноязыкая речь, в толпе мелькали русские кафтаны и татарские рубахи. Спозаранку одна часть горожан под колокольный благовест спешила в церковь; другая, вслушиваясь в голос муллы, взывающий с минарета, шествовала в мечеть. А многие из представителей мордвы и мещёры, проживавшие в пригородных слободах, продолжали исповедовать языческие культы. Молились разным богам, но жили мирно, исподволь перенимая друг у друга кулинарные рецепты, секреты ремесленного мастерства, особенности национальных узоров, украшавших одежду, бытовые предметы и ювелирные изделия.

В XVI веке касимовские татары сыграли немалую роль в покорении Казанского царства. Казань на протяжении многих лет вела сложную политику дипломатического лавирования, то вместе с крымскими ханами устраивая разорительные набеги на Русь, то демонстрируя склонность к союзу с Москвой. Когда Иван Грозный решил покончить с угрозой, исходившей от Казани, и начал готовиться к решающим военным действиям, уstraшённые казанцы предложили очередной компромисс. Они обещали принять в качестве правителя ставленника Ивана Грозного, касимовского хана Шах-Али, с условием, что тот женится на их овдовевшей царице Сумбеке (Сююн-Бике). Но это не входило в планы волевой и энергичной царицы, стремившейся сохранить престол для своего маленького сына Утемеш-Гирея, уже провозглашенного казанским царём. За редкую красоту современники называли Сумбеку «красносолнечной». Но она была столь же прекрасна, сколь и коварна. По рассказу литературного памятника XVI века «Казанской истории», царица, вопреки рвению казанских вельмож, посватавших её за Шах-Али, всё же попыталась тайком избавиться от постылого жениха. Во время приготовления к свадебным торжествам она, по обычаю, отправила Шах-Али подарки: собственноручно сделанное кушанье и расшитую шелками одежду. Но касимовский хан, искущённый в азиатских хитростях, был начеку. Угощение царицы он сначала предложил собаке, а роскошную одежду велел надеть на приговорённого к смерти раба. Собака и раб тут же погибли в мучениях на глазах своего господина. По требованию разгневанного царя Ивана казанцы выдали строптивую царицу

русским воеводам, и её тут же отправили в Москву. Однако и Шах-Али недолго продержался на казанском престоле, едва не поплатившись жизнью. Тогда в 1552 году Иван IV пошёл походом на мятежную Казань. В Муроме Царь устроил сбор и смотр войск. Сюда прибыл и Шах-Али с татарской конницей. Этот касимовский хан был личностью незаурядной, запомнившейся и русским хроникёрам, и видевшим его иностранным путешественникам. Происходил он из рода потомков Тимура, возглавил касимовских татар, когда ему было одиннадцать лет. Так как у его сородичей одним из признаков высокого положения считалось внешнее дородство, то и Шах-Али в зрелые годы, по свидетельству С. Герберштейна, выделялся «огромным брюхом», что в сочетании с короткими ногами и расплывшимся женоподобным лицом с реденькой бородкой производило странное, отталкивающее впечатление. Из-за чрезмерной полноты он был плохим наездником, зато отличался глубоким умом, тонкой хитростью и крепко держал в руках бразды касимовского правления. Летописец сообщал, что Шах-Али «не могий скоро на конях ездити, разумичен же царь преизлишне». Трижды он всходил на казанский престол, неуклонно отстаивая интересы русского государства, и хотя каждый раз терял власть в результате дворцовых переворотов, но всегда умудрялся спасти свою голову и невредимым добраться до Москвы. Его же младший брат Джан-Али, выбранный однажды казанским царём, был убит придворными ночью в спальне собственного дворца.

Царь Иван оказывал Шах-Али нарочитые почести, и, видя, что тому трудно возглавлять конницу, милостиво позволил ему, единственному из военачальников, следовать в Казань на одном из судов, вёзших по Оке и Волге провиант и военное снаряжение. Даже сам царь ехал с войском верхом; касимовский же хан плыл со всевозможным комфортом, а его верные воины рысью следовали за своим повелителем по берегу. Зато при штурме Казани советы Шах-Али, хорошо знакомого с внутренним расположением города, с особенностями казанских укреплений и их уязвимыми местами, оказались весьма полезными. После победы над Казанью царь щедро наградил Шах-Али. И одним из самых ценных трофеев, привезённых ханом в Касимов, стала бывшая казанская царица. Отец Сумбеки, влиятельный ногайский мурза Юсуф просил Ивана IV отпустить к нему дочь с внуком. Но Иван, присоединив Казань к России, не намерен был в будущем создавать повод для оспаривания казанского престола. Он насильно отдал Сумбеку в жены Шах-Али. Древний ханский дворец на Татарской горе стал её последним пристанищем. По рассказу «Казанской истории», Шах-Али не любил Сумбеку, «несмотря на её красоту, <...> и жила она у него, запертая в отдельной и несветлой комнате, словно в темнице, и не сходился он с нею спать». Её сына царь оставил в Москве, окрестил, дав имя Александр, и велел

обучить русскому языку и обычаям. Царевич, выросший сиротой среди чуждых ему людей, умер, едва достигнув 17 лет. Успела ли Сумбека оплакать своего сына, долго ли прожила она сама в негостеприимном ханском дворце и где была похоронена — всё это до сих пор остается неразрешимой исторической загадкой. В 1565 году Шах-Али повелел возвести для себя мавзолей недалеко от мечети. Эта простая и суровая постройка из известняковых блоков украшена лишь плитой с арабской вязью над входом. Надпись гласит: «Строитель и собственник этого здания — Шах-Али хан, сын Шейх-Адмяр-султана...». А далее следуют изречения из корана. В.В. Вельяминов-Зернов, в XIX веке изучавший плохо сохранившиеся остатки надгробий в мавзолее Шах-Али, пришёл к выводу, что там были захоронены: сам Шах-Али, его любимая жена Булак-Шад и ещё шесть его родичей. Девятая же плита настолько пострадала, что имени на ней обнаружить не удалось. Это и дало повод для местной легенды, будто хан, похоронив не выдержавшую домашнего заточения Сумбеку, не велел писать на надгробии её имя, чтобы оно стерлось из памяти потомков и никто не нашёл бы её следов. Но мог ли Шах-Али предоставить место в своей усыпальнице для той, которую он отверг ещё при жизни и содержал лишь как пленницу, но не как супругу?

Касимовское ханство находилось в полной политической зависимости от Москвы, поэтому его правители, когда пресекалась очередная родословная линия, назначались по воле московского царя. Кто только ни поселялся в сумрачных покоях касимовского ханского дворца: и представители местной знати, и беглые крымские и астраханские царевичи, спасавшиеся на Руси от домашних кровопролитных «разборок» или попросту искавшие лучшей доли, и потомки сибирского хана Кучума. После поражения Кучума в столкновении с войсками Ермака, покорявшего Сибирь, в 1600 году властителем сибирских народов объявил себя сын Кучума Алей. Однако вскоре он оказался в плену вместе со своим наследником Арсланом. В 1614 году Арслан Алеевич по указу царя Михаила Романова был провозглашён очередным касимовским ханом. После его смерти власть наследовал его малолетний сын Сеид-Бурган при регентстве матери Фатимы-Султан-Сеитовны. Сеид-Бургана Москва держала под строгим надзором. В 1661 году царь Алексей Михайлович послал наказ местному воеводе И.П. Литвинову «беречь и разведывать того, чтобы к касимовскому царевичу и к людям его из которых басурманских государств или от Ногайских людей и от Черемисы о каких делах присылки али совета <...> не было, и не скрали бы его никто». Характерно, что Сеид-Бурган носил уже титул не «царя касимовского», а лишь «царевича». В Писцовой книге, составленной в 1627 году Петром Воейковым и подьячим Постником Раковым, ханская резиденция описывается так: «Татарская Слобода, а в ней мизгит, или мечеть ка-

менная, а напротив той мечети палатка каменная, в той палатке погребены Касимовские цари (речь идёт о мавзолее Шах-Али. — И. Г.), а напротив мечети и палатки той двор царевичев Сеид-Бурхана, дом и ворота каменные, украшенные резными фигурами и татарскими надписями; а меры в дворе царевича Сеид-Бурхана в длину 75 сажень, поперёк 55 сажень». В июле 1636 года к касимовскому берегу причалил корабль с плывшими на нём немецкими послами. Участник посольства А. Олеарий записал о Касимове: «Тут жил в старом каменном строении, служившем в прежние времена замком, молодой татарский царевич по имени Рес Кичи (Сеид-Бурган. — И. Г.) вместе с матерью и дедом». Сохранился рисунок Олеария, на котором рядом с минаретом изображено величественное, но уже обветшавшее каменное здание, действительно напоминающее замок-крепость, с башней, начинающей разрушаться. Подворье обнесено высокой деревянной стеной, но парадных каменных ворот на рисунке не видно. Олеарий изобразил вид с реки, а ворота, судя по всему, были ориентированы на дорогу, идущую со стороны города. За стеной подворья просматриваются теснящиеся друг к другу высокие деревянные хоромы. По Писцовой книге рядом с дворцом Сеид-Бургана находился дом его матери, а также дома его дяди и придворных сеитов. Все они были деревянные, поставленные на каменные подклеты. Сеид-Бурган не посмел пригласить в свой дворец иноземных гостей, извиняясь, что это «вызвало бы неудовольствие воеводы». Но, стремясь все-таки исполнить обычаи гостеприимства, он прислал на берег подарки: двух овец, бочонок пива, мёду, кислого молока, сливок, масла и т.д. Причём слуги благоговейно сообщили, что масло собственноручно сбила для высоких путешественников ханша Фатима-Султан-Сеитовна. Олеарий слышал, будто царские придворные уверяли Сеид-Бургана, «что если бы он принял русскую религию и дал себя окрестить, то великий князь (Михаил Романов. — И. Г.) не отказал бы ему в выдаче своей дочери за него. Он, однако, будто бы ответил, что теперь он ещё слишком молод (ему было всего 12 лет), но когда он придёт в лучший возраст и разум, то он готов дать ответ».

Впоследствии царевич крестился под именем Василия Арслановича. По слухам, царь Алексей Михайлович обещал ему руку своей сестры Ирины Михайловны, уже побывавшей неудачно невестой датского королевича. Но этот брак не состоялся. Однако Василий первый из касимовских правителей взял в жёны русскую — дочь боярина Н.Ю. Плещеева Марию Никифоровну. Одну из своих дочерей Евдокию они выдали замуж за брата царицы Натальи Кирилловны, боярина Мартемьяна Кирилловича Нарышкина. Другую — Домну — за князя Ю.Я. Хилкова. Крестившись и породнившись с русской знатью, Василий получил больше доверия у царского двора, а вместе с тем и более самостоятельности.

По крайней мере, теперь ему не возбранялось устраивать дипломатические приёмы. В мае 1669 года по вешней воде вели из села Дединова в Волгу только что построенный первый русский большой корабль «Орёл». Когда бросили якорь в Касимове, капитан и привилегированная часть команды, все набранные из иноземцев, отправились представляться в ханский дворец. И хотя сам Василий накануне отбыл в Москву, приезжих встретили с радушным гостеприимством. Парусный мастер голландец Я. Стрейтс писал: «Дворецкий принял нас очень приветливо, пригласил к столу, за которым подавали варёную и жареную рыбу и пили мёд и водку».

Из шестерых сыновей Василия только четверо пережили отца, но они не могли возглавить касимовских татар, так как с рождения были крещёнными. Поэтому после смерти Василия правительницей считалась его мать Фатима-Султан-Сеитовна. Когда она скончалась в 1681 году, по городу поползли слухи, будто ханша была задушена ночью собственными придворными, прознавшими якобы о её тайном намерении принять христианство. Сейчас трудно судить, могла ли она под старость лет решиться на такой шаг. Но известно, что ханша Фатима весьма лояльно относилась к православию и даже покровительствовала касимовскому женскому Казанскому монастырю. По преданию, она собственноручно вышила серебром и шелками ризу для иконы Богоматери и преподнесла её в дар обители. После кончины Фатимы опустевшая ханская резиденция была взята в казну, а сам Касимов полностью перешёл под казенное управление.

В начале XVIII века у ханского подворья неожиданно оказался новый владелец — Иван Алексеевич Балакирев, широко известный как шут Петра Великого. Род служилых дворян Балакиревых утвердился на рязанской земле в XVI веке, а потом дал и костромскую ветвь. О родителях Ивана Балакирева, о том, где он родился и провёл детство, биографам ничего не известно. Даже дата его рождения — 1699 год — устанавливается приблизительно. Достоверно лишь, что в начале XVIII века он явился на положенный смотр недорослей и был определён в Преображенский полк с наказом постигать инженерное искусство. Но солдатская муштра и сложность фортификационной науки пришлось ему не по вкусу. Зато он в совершенстве постиг науку угождения вышестоящим и сумел понравиться камергеру Виллиму Монсу, красавцу и щеголю, пользовавшемуся особым расположением Екатерины Алексеевны, супруги Петра I. По протекции Монса Балакирев был взят во дворец, став камер-лакеем Екатерины. Он использовался для мелких услуг и разных посылок. В приходо-расходной книге Екатерины есть, например, запись о том, что Балакирев передал Монсу 150 червонцев за золотые часы, которые тот прислал императрице. Сам Иван тоже порой

отваживался на подарки своей повелительнице, но гораздо более скромные. В книге записано: «Дано Ивану Балакиреву за поднос именованного калача 3 червонца».

На этой службе и раскрылся дар Ивана быть незаменимым в домашнем обиходе человеком и остроумным собеседником, умеющим веселить своих венценосных господ. И.И. Голиков, один из первых составителей истории Петра Великого, повествовал о судорожных припадках бешеного гнева у императора и сообщал, будто «от достоверных людей слышал, что в таковых случаях его величество по большей части употребляла придворного шута Балакирева», чтобы отвлечь и успокоить супруга. Об одной проделке Ивана он рассказал со слов адмирала А. Нагаева и генерала Ганнибала. Однажды, когда Пётр пребывал в мрачном настроении, Балакирев пригнал к окнам его кабинета «целое стадо рогатой скотины, из которых на каждой к рогу привязана была бумага». Услышав топот и рёв, Пётр выглянул в окно и, изумленный такой неожиданной депутацией, спросил Балакирева, что это значит. Тот, сняв бумагу с бычьего рога и с поклоном протянув её Петру, смиренно пояснил: «Это челобитная быков на немцев, что они у них всю траву поели». Парадоксальность такого заявления рассмешила Петра, «и он сам стал читать сию странную челобитную, в которой скотина сия доносит, что трава создана от Творца на их только пищу, <...> а ныне де немцы лишают их оной, употребляя вместо их сами оную в пищу себе (разумея о салатах)». Кстати, А. Олеарий в середине XVII века отмечал, что русские в огородах не сажали ни спаржу, ни салат, ни другую зелень, и «даже смеялись над немцами за употребление их в пищу, говоря, что они едят траву».

В доме Виллима Монса Балакирев пользовался неограниченным доверием. Монс между тем вошёл в большую силу, ходили тёмные слухи о его нескромных отношениях с императрицей. Погубил Балакирева и его покровителя несдержанный шутовской язык. В Тайную канцелярию 5 ноября 1724 года поступил донос, будто Балакирев, возивший корреспонденцию от Екатерины Монсу, похвастался, что привёз «из тех писем одно сильненькое, что и рта разинуть бояться». Иван тут же был арестован и 8 ноября уже висел на дыбе перед самим царём. Но надо отдать ему должное: «силы письма» он так и не объявил и вообще отрицал его существование. Призвав на помощь всю свою изворотливость, он попытался повести следствие по ложному пути, заговорив о подарках, которые давали Монсу за помощь Меншиков, Долгорукий и другие. Возможно, их имена Иван назвал умышленно, надеясь, что близость этих лиц к царю заставит судей свернуть расследование. Однако Пётр в ярости не щадил и любимцев. Ушакову, возглавлявшему Тайную канцелярию, было поручено строго разобраться с делом о взятках. Последовавший за этим

арест Монса для многих явился полной неожиданностью и воспринимался как случайное недоразумение. Но сестра Виллима, генеральша Балк, очевидно знала о брате нечто такое, что известие об аресте привело её в совершенное отчаяние. С горя она заболела, что впрочем не спасло её от необходимости давать показания следственной комиссии. Ф.-В. Берхгольц, приближённый герцога Голштинского, гостившего тогда в России, записал в дневнике, что Монса через два дня после ареста «перевезли в зимний дворец императора, где заседает верховный суд, делающий ему допросы под покровом величайшей тайны». Банальные дела о взятках так не велись. В том же дневнике сообщается: «Апраксин же говорил, что Монс в эти два дня страшно изменился и что у него будто бы от страха был удар». Следствие по делу Монса шло стремительно. И 16 ноября красавец-камергер был казнён на Сенатской площади. Осмелившись ухаживать за императрицей, он потерял голову в буквальном смысле слова. Его сестру публично били кнутом и сослали в Сибирь. Балакирев получил 60 ударов батогами и был приговорён к трём годам каторжной работы в портовом городе Рогервик. Он обвинялся в том, что, «отбывая от службы и от инженерного учения, принял на себя шутовство и чрез то Виллимом Монсом добился ко двору его императорского величества и в ту бытность при дворе во взятках служил Виллиму Монсу». Но официальная версия о взятках, подсказанная следствию Балакиревым на свою же голову, никого не убедила.

А через два с лишним месяца погребально гудели петербургские колокола, оплакивая державного строителя северной столицы. Екатерина, с помощью Меншикова и гвардии возведенная на престол, тут же вернула Балакирева ко двору. Была ли это благодарность за сохранение её тайны, о которой Иван сумел промолчать в пыточном застенке, или просто понадобился человек, умеющий отвлечь безутешную вдову от её горестей,— но Балакирев ни за что ни про что был пожалован чином прапорщика. Он благополучно пережил дворцовые смуты и при восшествии на престол Петра II, и при воцарении Анны Иоанновны. Военная карьера его нисколько не соблазняла, и полученный офицерский чин он использовал лишь для того, чтобы выйти в отставку. Зато при Анне, любившей забавы, он возглавил штат придворных шутов и, умея угождать вкусам новой покровительницы, не раз получал денежные вознаграждения. Императрица заботливо вникала и в бытовые нужды своего любимца, то жалуя ему денег на новое платье, то щедро отпуская из дворцовых кладовых вина, пива и съестных припасов. Свадьба Балакирева в 1732 году положила начало шутовским свадьбам, которыми увлеклась Анна. Вскоре императрица писала обер-гофмейстеру С.А. Салтыкову, распорядившемуся в Москве: «Понеже Иван Балакирев женился на дочери Алексея Морозова, который за тою своею дочерью обещал

дать две тысячи рублей, а ныне мы уведомились, что оной Морозов тех денег ему Балакиреву не отдает, того ради прикажите призвать оного Морозова и приказать ему, чтоб он такие деньги Балакиреву конечно отдал». И напрасно Морозов уверял Салтыкова, что никогда и не помышлял обещать зятю такую сумму. Энергичный Салтыков, угождая императрице, окружил его подворье караулом, никого не впуская и не выпуская, и вскоре вытряс из него требуемые Балакиревым деньги. Эти деньги царскому шуту нужны были позарез. Он влез в долги, что грозило потерей деревень, которыми он очень дорожил. Анна, снисходя к слабостям любимца, предупредила Салтыкова, чтобы у Балакирева ни в коем случае не отбирали за долги его имений и чтобы долг был заплачен из отданных Морозовым денег. Уж не сыграл ли Балакирев с тестем очередную шутку, заставив его поневоле раскошелиться, чтобы выручить из беды непутёвого зятя?

Пользуясь милостивым расположением императрицы, Балакирев пытался составить протекцию родным, стараясь пристроить их при дворе хотя бы в качестве шутов. Дядя Ивана Гаврила Семёнович Балакирев, отставной драгун, скромно проживавший в своей деревеньке Троицы-Маковицы в Коломенском уезде, в 1732 году был срочно вытребован к царскому двору. Причём Анна велела Гаврилу везти на казённом коште, «объявля ему, для того, чтоб не испугался, что до него кроме нашей милости никакого дела не касается». Вскоре Анна сообщала Салтыкову: «Дядю Балакирева привезли, только он мне не показался, чаю, назад отпущен будет...». Отправленный домой с честью Гаврила, осмелев, сумел однако из благосклонности императрицы к их семье извлечь максимум пользы. Через год вышло распоряжение Анны: «По приложенной при сем Балакирева дяди о наследстве в его деревнях челобитной, велите указ учинить и те деревни за ним, Балакиревым, отказать и оправить...». В 1735 год настала очередь отца Балакирева Алексея Семёновича. Видимо, он жил недалеко от Москвы и нередко туда наведывался. Анна, узнав (скорей всего, от Ивана) об очередном приезде Алексея Семёновича в Москву, велела доставить его в Петербург, «дав ему для покоевые сани и для обережи одного солдата». Но пока царский указ шёл из Петербурга в Москву, отец Балакирева уже отбыл в свою деревню.

Царская благосклонность доставалась Ивану Алексеичу нелегко. Анна с её грубыми и примитивными вкусами не ценила остроумия, предпочитая развлекаться жестокими драками шутов. Балакирев, однажды отказавшись участвовать в этих унижительных побоищах, был за строптивость выпорот нещадно. Ходили слухи, записанные П.В. Долгоруковым, что «несчастный два дня пролежал после экзекуции, не будучи в состоянии ни встать, ни повернуться в постели». Если существует пословица, что «язык до Киева доведёт», то Балакирева бойкий язык

доводил прямехонько до Тайной канцелярии, куда он попал и при Анне, обвинённый в произнесении слов, оскорбительных для императрицы. Но на этот раз ему удалось выкрутиться. Анна приказала вернуть шута ко двору со строгим однако внушением «лишнего не говорить».

За несколько месяцев до смерти Анны весной 1740 года Балакирев отпросился съездить на лето в свои владения... и исчез. При дворе он больше не появлялся, бросив на произвол судьбы свой петербургский дом на Литейном. Где же находилось его поместье, которым он так дорожил? В «Русском биографическом словаре» А.А. Половцова предполагается, что он уехал в костромской край и датой его смерти называется 1763 год. Основой для такой датировки могла послужить запись в дневнике С.А. Порошина, воспитателя наследника Павла Петровича. Сообщая в 1664 году о прогулке Павла и Н.И. Панина в карете по Петербургу, Порошин писал: «Проезжая на Литейной бывший двор г. Балакирева, рассказывал его превосходительство Никита Иванович об этом шуте...». Однако скончался Балакирев, видимо, во времена императрицы Елизаветы Петровны.

А.П. Мансуров, приобретя в конце XIX века поместье в Касимове, получил вместе с бумагами по имению копию с указа Елизаветы Петровны, где говорилось: «Мы, Елизавет Первая, императрица и самодержица Всероссийская и проч... объявляем сим, что мы... всемилостивейше пожаловали двора нашего камер-цалмейстеру Дмитрию Александрову сыну Симонову за службы его деревнями из отписанных прапорщика Ивана Балакирева в Касимовском уезде». Вместе с тем Симонов получил и «прапорщика Балакирева в городе Касимове двор помещичий с каменным и деревянным строением с принадлежностями». По мнению Мансурова, этим именем Балакирев был награждён Екатериной I после возвращения из ссылки в качестве компенсации за всё, что ему пришлось претерпеть. Интересно, что в касимовских документах за 1721 год встречается имя служившего здесь земского комиссара Алексея Семёновича Балакорева (или Балакирева — искажения в написании имён и фамилий в бумагах того времени были делом обычным). Именно так звали отца Ивана. Возможно, это лишь случайное совпадение. Но, может быть, это и есть та ниточка, которая помогла бы установить родовые корни Ивана Алексеевича. По всем признакам они были связаны вовсе не с Костромой, а с более близкими к Москве местами: брат отца проживал под Коломной, отец периодически появлялся в Москве, невесту Иван привёз из Москвы... В Касимове бытовало предание, будто Иван сам настойчиво просил пожаловать его именем именно в этих местах. Возможно, он лишь хотел расширить находившееся здесь скромное семейное достояние... Правда, согласно легенде, обращался он с этим ещё к Петру I. В награде, полученной от Екатерины, тоже было нечто шутовское.

Балакирев стал владельцем примыкавших к Касимову селищ, Улановой горы, деревень Вешки и Баромыково. В самом Касимове он получил в распоряжение надель на Старом Посаде и Татарской горе с резиденцией касимовских ханов. Таким образом, он сам словно занял ханское место. Всего за ним числилось 316 крепостных душ; среди его дворовых слуг преобладали в основном татарские семьи. П.П. Петров, опубликовавший в XIX веке очерк о Балакиреве, сообщал, что тот умер бездетным. Видимо, в Касимов он приехал уже вдовцом. Странную, должно быть, жизнь вёл Балакирев в своем призрачном «ханстве» под заунывно-протяжные звуки чужих молитв, доносившиеся с минарета, который возвышался за его садовой оградой. Возле подворья Балакирева, на площади перед минаретом раз в неделю разворачивался торг, по старой памяти носивший название «ханского базара». Съезжавшиеся сюда татары продавали кумыс и другие кисломолочные продукты, конину, свои традиционные блюда и сладости, а также конскую сбрую, ювелирные украшения и т.д. Мечети в это время уже не существовало. Местные предания повествуют, что Пётр I, отправившись в 1722 году в Персидский поход и проплывая по Оке, причалил у касимовского берега в недобром настроении. Почему-то его возмутил вид мусульманских святынь, оказавшихся в самом центре его державы, и царь приказал немедленно их снести. Татары умоляли Петра пощадить священные здания. Но это не помогло. Мечеть была разобрана. Минарет же Пётр согласился оставить, видимо, сочтя его удобным ориентиром для речного судоходства.

В Касимове из поколения в поколение передавались легенды о проказах Балакирева, свидетельствовавших не столько о его остроумии, сколько о духовной одичалости: «Купит воз сена, со всем, с телегой, велит выпрячь лошадь и сбросит с крутого берега навьюченный воз. Он летит с кручи, сено рассыпается дорогой, подхватывается ветром и т.д. На берегу собирается толпа народа, смотрит на эти диковинки...». А ещё говорили, «что он много гулял по берегу Оки, ходил пешком на Уланову гору». По преданию, Балакирев был похоронен на окраине Касимова около алтаря Георгиевской церкви.

После его кончины вымороченное имение из-за отсутствия наследников отписали в казну. Когда в мае 1754 года капрал Иван Алексеев по указанию касимовской воеводской канцелярии делал опись имения для ввода во владение Д.А. Симонова, помещичья усадьба имела вид полного запустения: «А в том городе Касимове на Татарской горе двор помещиков, на том дворе строения: горница с комнаткою самая ветхая без верху, потолков, полов, печи, дверей и окон; в горнице стол дубовый гнилой, сундук деревянный простой ветхий; ворота каменные по одну сторону пошатнулись и во многих местах обвалились». Были ещё жилые

Общий вид города Касимова, 1899 г.

Мавзолей

«две горенки небольшие с печью, одна печь израцатая, другая кирпичная, промежду ими сени дощатые, крыты дранью, выход каменный местами отвалился». Видимо, эти помещения и служили последним приютом Балакирева. Должно быть, каменный ханский дворец-замок к этому времени совсем развалился. А может, горница без потолков и полов являлась последней сохранившейся его частью. Лишь многочисленные надворные постройки свидетельствовали, что некогда имение было солидным: «На том же дворе людская изба с сеньми, другая лакейная с сеньми ж, баня с небольшим предбанником, поварня, ледник небольшой, на нем анбар, возле ледника анбар кладовой без дверей, сарай колясочный, конюшня со стойлами: всё выше писанное строение сосновое, крыто дранью, самое ветхое и гнилое». Капрал добросовестно описал и сад, окружающий усадьбу: «В нем яблонь 100 дерев, вишен 2 куста, груш 2 куста, смородины две небольшие гряды, <...> да в том саду палатка каменная...». Имелась в виду усыпальница Шах-Али.

Новый владелец подворья Симонов решил, что проще будет заново выстроить помещичий дом, чем поправлять доставшиеся ему развалины. Член Императорской Академии наук П.С. Паллас, посетивший Касимов в 1768 году, стал свидетелем перестроек, происходивших в усадьбе и рядом с нею. Татары, вымолив разрешение у Екатерины II, возводили новую каменную мечеть на сохранившихся остатках древней кладки. Паллас писал: «Из такого же известкового камня, который был употреблён на постройку мечети, состоят и прочие татарские строения, остатки которых в саду близ мечети находящиеся, и забором обнесенные прочие здания. Кажется, что на сем месте был действительно дворец царский; от прежнего каменного строения прибыли до новейших времен украшенные готскими фигурами и арабскими надписями ворота, также продолговатый четырехугольный дом и таким образом обнесенное кладбище знатных татар». (Паллас имел в виду текие Шах-Али). Он также рассказывал: «Недавно сломали упомянутые ворота, так что я мог видеть одни остатки и особливо красивые разные кровельные подзоры и теремочки. Ханский дворец тоже сломали и оставили только основание футов в пять вышиною для построения на оном деревянных жилых домов». Но возобновлять на месте ханского дворца барский особняк Симоновы почему-то так и не собрались, и к 1841 году был срыт и его фундамент.

Ходили слухи, будто в старину от мечети и минарета шли подземные галереи в ханский дворец и текие Шах-Али. Вполне возможно, что в допетровские времена, когда покой Руси постоянно тревожили то вражеские набеги, то внутренние смуты и ханская резиденция представляла собой обнесённую мощной бревенчатой стеной крепость, существовал подземный ход, ведущий из неё к реке, чтобы в случае долговременной

осады снабжать водой защитников. В средние века это был повсеместно распространённый элемент фортификационных сооружений. Но к XIX веку и следа от этих подземных ходов уже не сохранилось.

До нашего времени от обширного некогда комплекса ханской усадьбы на Татарской горе дошли только два древних памятника: минарет XV века, с которого открывается великолепный вид на Касимов, и текие Шах-Али XVI века. В новой мечети, у которой в XIX веке надстроили второй этаж, ныне расположились экспозиции местного краеведческого музея. Давно исчез чудесный яблоневый сад в «сто дерев», который по весне белым облаком окутывал Татарскую гору. И только высокий минарет, далеко видный с плывущих по Оке теплоходов и такой неожиданный в мешёрской глухомани, напоминает об уникальной истории этих мест и о не разгаданных до сих пор тайнах прошлого.